

**ШЕВЧЕНКО
ЛАРИСА
ВЛАДИМИРОВНА**

Доцент кафедры
философии и социологии,
Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники.
Кандидат философских наук,
Томск. Россия.
E-mail: a-risa@mail.ru

**СМИРНОВ
СЕРГЕЙ
АЛЕВТИНОВИЧ**

Главный научный сотрудник
Института философии и права СО РАН.
Доктор философских наук.
Новосибирск. Россия.
E-mail: smiroff1955@yandex.ru

ИСПЫТАНИЕ НА ВСХОЖЕСТЬ

Часть 3¹ Разговор о поколении

DOI: 10.32691/2410-0935-20245-20-222-241

Смирнов С. А.: 28 февраля 2025 года, беседуем с Ларисой Владимировной Шевченко на окаянную тему «Философские поколения».

Я два слова скажу. Я благодарен тебе за то, что ты предложила на эту тему поговорить. Повод очень хороший. К сожалению, так случилось, что автор идеи, составитель, редактор сборника «Философские поколения»² Ю. В. Синеокая³ ныне живет во Франции, и это печально. Несмотря на то, что она категорический противник СВО, я, тем не менее, к ней отношусь хорошо, как к автору очень интересных философских проектов, и то, что политика тут нас развела, это отдельная тема. Когда я увидел этот сборник, сразу его купил. Да, он сильно меня задел. Он провоцирует на очень интересный, глубокий разговор, который совершенно непривычен для академической среды, особенно

¹ Продолжение. Первая и вторая части см.: Шевченко Л.В., Смирнов С.А. Испытание на всхожесть. Разговор // Человек.RU. 2023. № 18. С. 234–279; Шевченко Л. В., Смирнов С. А. Испытание на всхожесть. Разговор. Часть 2. // Человек.RU. 2024. № 19. С. 268–298.

² Философские поколения. Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю. В. Синеокая . 2-ое изд. М.: Изд. Дом ЯСК, 2022. 1232 с.

³ Внесена Минюстом РФ в список иностранных агентов.

для философской академической среды. Потому что поколенческий вызов и поколенческий подход – это не про академические научные школы, это не про академическую карьеру. Когда читаешь этот сборник, понимаешь, что на самом деле эти ребята (респонденты, отвечавшие там на вопросы, поставленные редактором) говорят совсем про другое, про свое девичье, а Синеокая замахнулась на что-то другое. Увлекшись, я написал рецензию и отправил ей, она была благодарна, я опубликовал в своем журнале эту рецензию в прошлом году. Но с тех пор мы с ней не общаемся по понятным причинам. Мне кажется, это тема не просто новенькая – она сильно провоцирует на разговоры про самоопределение. Когда читаешь разных авторов, которых она привлекла, они, конечно же, отвечают по-разному. Всё же надо отметить, что у сборника есть большие ограничения: это сборник про историю академической философии в пределах Института философии в Москве. Это история московская, академическая, ИФРАНовская. Когда я это написал В. Ю. Синеокой и сказал, что там у нее нет многих фигур, в т. ч. тех, которые не работали в ИФ РАН, например, питерских, в т. ч. просто иногородних, она с этим согласилась. Это был ее проект, реализованный в знак уважения к Институту философии, в честь 100-летия института. Хотя, если расширить географию и содержательные рамки, то там вылезают очень интересные вещи, которые хотелось бы обсуждать, по этому поводу говорить и писать. Надо сказать, что, к сожалению, из-за политических событий этот сборник в принципе никем, никак фактически не обсуждён. То есть участники сборника высказались, и это случилось до СВО – и всё. Сборник издали, а дальше тишина. Я не нашел мест, где бы он обсуждался и как, и кто что-нибудь, как-нибудь написал про него. Может, я плохо искал. Во всяком случае, ни один профессиональный философский журнал никак не отозвался на это дело. Я вот рецензию написал. В самом сборнике все авторы относятся положительно к этой инициативе, но после того, как всё это свершилось и началась СВО – а тут эта книжка... Собственно, ее в итоге и замолчали.

Шевченко Л. В.: Сейчас тогда тоже немного скажу про книгу. Я согласна, там очень узко говорится. Однако, заметьте, как только она вышла, в научной библиотеке в ТГУ в Томске, несмотря ни на какие СВО, несмотря на то, что там напечатано, книга быстро туда попала. То есть стоит эта книжка в доступе.

Смирнов С. А.: Нет, она в доступе, я же ее купил. Она не запрещена.

Шевченко Л. В.: Я к тому, что она в доступе, но кто её читает? Я тоже смотрела, и, как человек всё-таки сторонний... Это ладно – Вы в профессиональном поле философском, а я, допустим, человек интересующийся. И для меня это уж тем более далеко – Институт философии в Москве. Хотя я видела, какие там люди высказываются – ученики Семенцова! Я, конечно, знаю там какие-то фигуры, но это так уж, совсем немного. Но сама рамка поколенческая – это, конечно, очень мощно. Именно философское поколение. Поколение физиков мне бы не так интересно было обсуждать, потому что, мне кажется, там понятней – там больше внеличностных факторов. А вот эта история не просто самоопределеченческая. Потому что, когда ты с позиции поколений начинаешь говорить, у тебя появляется рамка ответственности, и она жестковатая достаточно. Вот как я почувствовала.

Смирнов С. А.: Жестковатая, в смысле, позиция Синеокой?

Шевченко Л. В.: Нет, позиция того, когда ты начинаешь говорить из рамки поколения, т. е. ты уже конкретен. Одно дело – ты рассуждаешь про какие-то мысли, концепции, я не знаю, философские идеи, а другое дело – когда ты говоришь: а я представитель такого-то поколения, и за мной там еще представители поколения. Как у нас вообще складывается вот это? Это же всегда отношение временное; ты уже конкретен во времени и ответственен.

Смирнов С. А.: Вот, временное. В том-то всё и дело, что здесь как раз всё и вылезает. Мне кажется, этот подход действительно важен, поскольку он сочетает в себе два важнейших контекста. Поколенческий подход задает человеческий, личностный контекст, а не просто некий абстрактный, про историю идей, историю сочинений, про процессы, вот эти все абстрактные разговоры – а человека за ними не видать. И Синеокая про это фиксировала, и молодец. А второе – поколение как тема выходит тогда, когда мы обсуждаем вызовы времени. Ведь поколение формируется тогда, когда некая группа осознает себя как ту группу, которая должна ответить на вызов времени, и тогда в этом смысле паспорт уже не важен, во-первых, во-вторых, не важна профессия, в-третьих, не важны твои узкопрофессиональные занятия. Важна ситуация времени и твое осознание того, какое твое место здесь и какой ответ ты вместе с другими хочешь дать на этот вызов. Ты вообще осознаешь, в каком времени ты живешь, или тебе, в принципе, без разницы, в каком времени, в какой стране? Меня огорчает вот это всё. Например, М. Ф. Быкова – замечательный исследователь истории философии, она в этом сборнике участвует. Очень толковый текст аналитический, она там привела примеры поколенческих подходов за рубежом, привела разных американцев, что у них многотомные исследования есть про поколения, но все-таки больше с социологической точки зрения. Но сама она при этом 20 лет уже в Америке, вроде как за мужем уехала. Для меня-то эта ситуация очень жесткая. Если ты обсуждаешь ситуацию времени, вызовы и свой ответ, для тебя география становится тоже важнейшим вопросом. Более того, это уже не про географию, а, пардон, про родину, в какой ситуации родина твоя оказалась, с какими вызовами она столкнулась. Это не абстракция, это не место рождения и не штамп в паспорте, это не прописка. Это родовые вещи. Поскольку ответы на вызовы ты должен искать, сопрягаясь с родовыми вещами, с истоком. Строго говоря, для меня новое поколение – это новый ответ на старый вопрос, это, как у Хайдеггера, другое начало. Но тоже начало. Я не просто читаю книжки, рассказываю, пишу статейки, а я должен попробовать, обернувшись назад к истоку, снова вернуться сюда. Это новое, другое начало должно говорить, но уже через меня. У меня есть такая амбиция, чтобы не просто диссертации защищать, а пытаться жить вот с этим вызовом времени. И это уже испытание. По-хорошему в этом смысле, поколение формируется тогда, когда оно готово проходить испытания и формулировать свой ответ на вызовы, которые, вообще-то говоря, в родовом смысле одинаковы: что для поколения войны было тогда, что для поколения Революции у нас было тогда, что для поколения Перестройки, несчастного, когда в разломе все было. Мне в этом смысле, кстати, повезло: я одной ногой пожил там и другой ногой живу здесь и могу сопрягать. Кто не жил в советское время, тем в этом смысле сложнее: они получили жизнь в виде супермаркета, и им сложнее. А я супермаркет никогда не получал. Но тогда и возникает

требование, что такое поколение. У него должно быть осознанное им культурное задание на этот вызов, это такой отклик, причем серьезный. Это обращение к истокам, где оно силы берет и где мы силы брали, когда вступали во взрослуу жизнь буквально в начале 70-80-х.

В этом смысле я – поколение 70-80-х, ну да, в принципе, формально, по возрасту. Дальше уже вопрос: что с нами происходило? Дальше у нас свои герои и свои какие-то варианты ответов. Какие-то свои большие проекты должны быть, которые должны сопрягаться с этим временем. Или мы отваливаем в сторону, уходим в факультатив, в частные интересы, на периферию или, наоборот, мимикрируем, либо приспосабливаемся, либо меняем профессию, либо просто спиваемся, уезжаем – разные варианты ухода. Это испытание. И тогда ты идешь в ногу с этим ответом или решаешь...

Я помню, я поразился, еще в педагогическом работал. Например, молодой преподаватель истории, он ненамного старше нас был, на несколько лет, читал нам лекции. Вот лекции он читает, грамотный парень, а потом идешь по коридору, а он там стоит и овощами торгует. Ну это же вообще! Тебя же твои студенты видят. Для меня это было как-то немножко шоком, потому что я не понимал, как он это сопрягал: сейчас он на лекции, а потом идет и торгует. Время, наверное, было тяжелое, да, конец 80-х. Я там был молодой преподаватель на кафедре, а он – мой бывший преподаватель, он нам еще читал, студентам, историю, и вот он же, вот он, понимаешь? И тогда вот вопрос: что человек с собой делает? Значит, принял такое решение. Фактически дауншифтер, т. е. он просто радикально ушел.

Шевченко Л. В.: Хорошо. Если говорить про вызовы или про какие-то события, во-первых, когда они осознаются? Они же иногда раньше осознаются, в зависимости от временных каких-то моментов, иногда позже. Вот Вы растете, в школе учитесь, потом выбираете себе педвуз. Какие Ваша память держит лично воспринятые исторические события?

Смирнов С. А.: Здесь тогда вопрос. Тогда, будучи молодым, я, разумеется, такими словами всё это не объяснял, это всё задним числом. Но дело в том, что мой пример нетипичен: я никогда не был академическим философом, я и начал как учитель. Я всегда жил проектами, мои жизненные циклы связаны с проектами. Сначала у меня три года была деревня, сельский учитель, и мне надо было сделать так, чтобы все местные хулиганы были моим школьным активом. Я старался их приобщать к театру, поэзии.

Шевченко Л. В.: Сейчас, маленькая ремарка. Я тут думала, как раз в связи с началом СВО, типажи как-то перебирала на фоне обстоятельств времени. У меня есть пример двух людей: один человек – она моя учительница, возраста моих родителей, постарше Вас. Она после томского педагогического хотела ехать в деревню. Причем ее прадед – революционер, которого сослали еще на Сахалин. Это ее бэкграунд. А другой человек – это человек уже другого поколения, лет на 8 меня постарше, Вас помладше. Ее родители педагоги, и она закончила ТГУ наш. Они мечтали в Москву уехать, в итоге переехали. Это момент осознания был, когда я поняла, что те, кто в Москву переехал, были на каком-то этапе моего понимания герои. А теперь наоборот, герои – те, кто в деревнях с хорошим педагогическим образованием работал.

Смирнов С. А.: Кто уехал в Москву?

Шевченко Л. В.: Конечно.

Смирнов С. А.: В чем героизм?

Шевченко Л. В.: Они сделали такой хороший шаг. Там сообщество, там у них развитие.

Смирнов С. А.: И там пропадали.

Шевченко Л. В.: Позже, когда я сопоставила на общей доске, я понимаю, что... Смотрите, это же разные совершенно стратегии. И там, и там стратегии осознанные: там человек хотел ехать в деревню...

Смирнов С. А.: Осознанные, конечно.

Шевченко Л. В.: Вот и стоп. А зачем Вы в деревню поехали, по распределению еще тогда, да?

Смирнов С. А.: Я не обязан был. Просто пальцем в карту.

Шевченко Л. В.: А в какой деревне работали?

Смирнов С. А.: Зюзя, Барабинского района Новосибирской области. Название забавное. Говорят, татарское, «пустынное болотистое место», так повелось, якобы. Или татарин Зуза, который ее основал. Это уже легенды. И все, я сразу к директору, и мы с ним договариваемся. «Так, три года?». «Три года». От звонка до звонка, всё железно, по-мужски договорились, чтобы через год не свалил. И всё. Но дело в том, что я же до этого три года в философский кружок ходил, со 2-го курса.

Шевченко Л. В.: Мне это и непонятно.

Смирнов С. А.: У меня же, пардон, уже пошла шлея под хвост, у меня уже пошли проверки себя. Я же уже Бахтина с Выготским начитался, и в этом смысле у меня были культурные образцы. И я поступил по принципу «а слабо?», я хотел себя всячески реализовывать, проверять. Рассчитывал, что через три года я приеду на кафедру. Уже планы строил.

Шевченко Л. В.: Почему Вы не хотели уйти из этой деревни, что она Вам? Просто Вы хотели проверить себя?

Смирнов С. А.: Да, проверка. И всё, кстати, нормально было. Я с самых первых дней себя зарекомендовал как лихой парень, но, кстати, симпатичный и одинокий; все девки были мои. А тут еще поэзия, театр, актив школы, и все хулиганы были в моей театральной студии. И все три года директор не знал проблем с воспитательной работой, поскольку через это я мог их организовывать всегда и через это мог всегда найти язык, договориться. В походы ходили, на велосипедах ездили. Через это я, формируя школьный актив, мог влиять на определенную воспитательную среду. В этом смысле я не был просто учителем-предметником, хотя, конечно, я преподавал историю, обществоведение, как полагается, всё нормально. Но был еще, прежде всего, педагогом-вожатым, наставником. Тем более был опыт «Артека» и «Орленка». Я звал к другой жизни, своим живым примером. Не потому что умный, а потому что был Другой. Но заметь, никакого отношения это к философии не имело, к академической карьере тоже, к каким-то там диссертациям. Но параллельно я привез шкаф книг и вечерами сидел, читал. Индивидуально философия оставалась со мной, конспектировал, на каникулах приезжал в Новосибирск – сразу к Тыщенко, свои почеркушки привозил, мы их обсуждали. Он всё это почиркает, в корзину выбросит – и я снова ехал с заданием, туда, в деревню возвращался. И так три года. И тогда я фактически за три года через самообразование получил багаж,

я был готов уже преподавать, поскольку до этого был еще кружок, потом еще трёхлетнее самообучение. Всё, я мог приехать на кафедру. И меня взяли на кафедру сразу после деревни.

Шевченко Л. В.: Это Вы уже понимали, что Вы самообразование получаете? Для чего?

Смирнов С. А.: Потому что я хотел идти в философию. Но я не сопрягал это с привычными академическими штудиями. Мне важно было держать интеллектуальное продвижение. Я же потом еще долго кандидатскую не защищал, я же в 39 лет кандидатом стал. Защитился, кстати, по совокупности работ, по научному докладу. Потому что всё время в какие-то проекты сваливался. Но, чтобы их вести, нужен был интеллектуальный ресурс; я его индивидуально всегда наращивал, всегда накапливал. Мне в этом смысле повезло с философским кружком, поскольку я сразу всех этих хороших авторов стал брать благодаря помощи Тыщенко.

Шевченко Л. В.: Если Вы были такой активный и проектный, почему Вы не стали комсомольским работником?

Смирнов С. А.: Во-во-во, вот их я презирал. Взносы не платил.

Шевченко Л. В.: Почему?

Смирнов С. А.: Я про это вообще не думал.

Шевченко Л. В.: Тогда же еще эта фигура была... актуальна.

Смирнов С. А.: Была, натура эта еще не ушла, да: партийная карьера, функционеры, со значками, бла-бла-бла. Эти все активисты были лошеные, паркетные карьеристы. Они меня бесили, потому что сами пустые как барабаны, но при этом у них всё было построено. Не о чем с ними было говорить, мне было с ними содержательно не интересно, скучно. Я готов был выстраивать какое-то движение вверх, но сугубо содержательного свойства, развитие по духовному, что называется, становлению. Но это же не с ними делать. Поэтому я проекты всегда и искал, чтобы было содержательно. Причем, трудно, через преодоление. Я такой духовный мазохист. А эти карьеры... Да и не умел я этого делать. Я в административно-карьерном смысле абсолютный неумеха – я очень доверчивый, наивный человек. И мне всегда прилетало. Я и проректор вуза был плохой в этом смысле (смеется), т. е. я такой, не прожженный администратор, который всех построит, я этого не умею. Я шёл через содержание – через вдохновение, убеждение, идеи, новые проекты, рассчитывая, что другие люди такие же, готовые ответить: «Давай, пойдем!». И всякий раз по башке получал, потому что большинство не такие.

Шевченко Л. В.: Ну, да. Ладно там у них Москва, это понятно, там содержание, там Аверинцев читает у них, Семенцов. А у Вас в этой деревне? Вот есть комсомольцы, это понятно, кто они такие, а кто Вы такой были, как Вас тогда можно было определить?

Смирнов С. А.: Только книжки.

Шевченко Л. В.: Это же как-то странно смотрелось, нет?

Смирнов С. А.: Ну как, обычный приезжий городской парень, весь из себя, в кожанке и джинсах. Ну и что? Для них я, конечно, был «ух ты, из города большого». Привез с собой кучу слайдов, пластинки, книжки про театр, поэзию: Цветаева, Окуджава. Все свои студенческие увлечения я туда привез. Я же с ними всё это читал, обсуждал – у них такие глаза! Я им открывал другой мир,

и они были мои. И мне было с ними интересно, потому что они были доверчивые, открытые и принимали меня. Они сидели без фиги в кармане, они тоже были наивные, готовые открыться миру. Нормальные деревенские ребята, неиспорченные.

Шевченко Л. В.: Когда Вы рассказываете, Вы говорите, что уже тогда Вы с Бахтиным познакомились. Я могу интерпретировать, что знакомство с Бахтиным было для Вас событием организующим? Если про исторические события говорить.

Смирнов С. А.: Нет, если про исторические события, это все-таки не Бахтин. Долгое время, вообще-то говоря, события я делал сам себе. Взял и поехал – это событие. Исторических событий же там не было. Но всё началось с Перестройки, когда всё поплыло, тут действительно историческое событие. Всё стало радикально меняться, когда и педагогический поплыл, все структуры, привычки, традиции – всё поплыло, вплоть до того, что ректор всем говорил: «Не хотите – увольняйтесь». Абсолютная беспомощность.

Шевченко Л. В.: Это какой год был?

Смирнов С. А.: Это все-таки уже когда я преподавал, это 86-87 годы, когда всё поплыло. И параллельно, когда стало всё можно.

Шевченко Л. В.: Уже в 86-м?

Смирнов С. А.: Да. Я стал читать спецкурс по педагогической режиссуре, вот то самое учебное пособие потом написал, которое в принципе нельзя было представить раньше⁴. Я стал проводить игры щедровитянские. Я стал готовить фактически свои образовательные проекты, и кончилось дело тем, что в 89-м я набрал экспериментальную группу, когда, с одной стороны, развал – это трагедия, а, с другой стороны, можно было пробовать. И в ситуации этого развала мне опять повезло, потому что в ней мне дали возможность попробовать несколько лет вести экспериментальную группу. Это же совершенно не представимо для советского времени.

Шевченко Л. В.: У Вас было представление о том, на какой вызов Вы реагируете, когда Вы эту группу набирали?

Смирнов С. А.: Нет, у меня было интуитивное ощущение, что так, как есть, строить образование нельзя, а как нужно, я не знал. Но готов был пробовать. Не было у меня никаких выстроенных концепций, идеологий, я просто тот нахал, который готов был пробовать и рисковать. Я помню, сидим мы в группе с ребятами, которых набрал, они так на меня смотрят: «Слушайте, на ученом совете нас будут утверждать?..». «Да, будут». «Там есть члены совета против нас». «Да, есть против». «Что-то страшновато». «Ну да, страшновато» (смеется). Совершенно наглым образом попёр. Но ректор поддержал. И всё, и пошли, совершенно не представляя, что будет. Жуткая наглость абсолютно, потому что не было никакой модели, никакой траектории, никаких ресурсов, никакого ясного понимания, я слов таких не знал. Тем более гарантированных успехов. Какое там! Дали попробовать буквально, буквально в чистом виде, по Б. Эльконину, это была проба чистой воды, причем проба без всяких страховок, систем безопасности и прочего. Совершенно наглое действие, не обеспеченное ничем – ни моим опытом, ни квалификацией, ничем, а просто дали возможность.

⁴ Аникеева Н. П., Винникова Г. В., Смирнов С. А. Режиссура педагогического взаимодействия. Учебное пособие. Новосибирск: НГПИ, 1991. 92 с.

Приняли решение аж на ученом совете института, и всё, на истфаке объявились такая группа. Наглый Смирнов, вот и всё. Понимаешь? При этом да, я понимаю, что ребята тоже рисковали. Я их сначала жестко вел два года, потом я их вообще отпустил, потому что дальше пошла специализация и дальше уже выход на диплом. Там я вообще не мог за них отвечать, потому что один пошел в историю, другой в психологию, третий в педагогику, четвертый в бизнес. Дипломы разные, научные руководители разные, но их можно было выбирать. В общем, я фактически уже не управлял процессом. Но, слава Богу, в большинстве своем они закончили, хотя какая-то часть отпала, испугалась, через год ушла. Вернулась на поток.

Шевченко Л. В.: Чистая проба.

Смирнов С. А.: Абсолютно чистая проба. Безответственная абсолютно.

Шевченко Л. В.: Ну, как безответственная, там же какое-то поле было идеологическое.

Смирнов С. А.: Не было никакого идеологического поля!

Шевченко Л. В.: Ну как не было?

Смирнов С. А.: Это 89-й год.

Шевченко Л. В.: Для примера: я помню, что в моем времени становления в начале 90х сильно обсуждали русскую философию с одной стороны, с другой – эзотерика пошла просто потоком, и вот это можно было чувствовать.

Смирнов С. А.: Нет, в этом смысле разве что, конечно, идеиные ориентировки были. Я же, конечно, им подсовывал Выготского с Бахтиным, я семинарил постоянно. Они на это и повелись – на хорошее содержание и свободный формат. Обсуждал классиков всех. Понятно, что антропологию тоже. Всё это было, но это было основано сугубо на моем чисто биографическом увлечении этими авторами, и больше ничего! Это же не была продуманная, системная подготовка, программа обоснованная, это читать или это читать. Я им давал то, что любил сам. Всё. Понятно, очевидно, что большие авторы, и тексты замечательные, и на этом можно было уже выстраивать их содержательную работу. Плюс к этому я же их таскал по разным местам, туда-сюда, на игры ездили. Я даже их возил в Киев на первый методологический конгресс к Г. П. Щедровицкому. Я же убедил ректора, чтобы он командировочные выписал, и целая группа ребят со мной туда ездила. Это был, по-моему, 91-й год. И через это, разумеется, они себя тоже пробовали, проверяли, глядишь, становились... Все в итоге благодарны, но там уже траектория у каждого была разная: кто-то просто в бизнес ушел, кто-то действительно стал психологом, кто-то педагогом, кто-то менеджером и так далее. Разные варианты. Это к вопросу о том, что мой ответ – это ответ не академического типа. Для меня ощущение поколений – это ощущение поиска ответа на вот эту ситуацию времени, и я всякий раз пытался вот так отвечать.

Если уж продолжать, там у тебя вопрос был про сокурсников и т. д., наше поколение – это, конечно, поколение растерянных, рассыпанных и забывших самих себя. Это трагическая ситуация вообще-то. Я согласен с авторами сборника, там М. Ф. Быкова пишет про то, что 70-80-ки – это поколение одиноких, которые в одиночку пытаются погрузиться в содержание и в одиночку отвечать на вопросы философские.

Шевченко Л. В.: Вот да.

Смирнов С. А.: В этом смысле согласен, я тоже одиночка, но я одиночка не в академическом плане, я не в книжках ищу ответы и не в Канте с Гегелем, хотя я Канта люблю, дело не в этом, там же ответов никаких нет, я ответы ищу в живых проектах. Но с этим я согласен, да, мы поколение одиночек, потому что время шестидесятников ушло, время, когда была иллюзия коллективизма и какой-то коллективной, взаимной солидарности, когда была оттепель, Гагарин полетел – вот это всё. Это всё прошло, и потом наступило удушье 80-х и пошел развал: те структуры поплыли, а новых нет, и каждый выживал по-своему. Уже тогда я видел, сейчас тем более, кто-то уехал, многие уехали за границу, очень многие, у кого-то – дисквалификация была полная. Мало кто пошел в педагоги, в ученые, в большинстве своем как придется, что называется, т. е. отталкивались не от себя, а от того, как получится и как придется. Стиснув зубы, но, глядишь, как-нибудь пристроюсь.

В этом смысле в географии тоже искали выходы: уехал в Америку или в Европу, думал, мол, там лучше, ну, а там – кем придется. В этом смысле не было такого действительно выстроенного карьерного, профессионального роста: закончил истфак педагогического и всё хорошо. Всё это полетело в тартарары, и в этом смысле мы одиночные, рассыпанные и потерянные.

Здесь я согласен, это такое время, но, смотри, параллельно с конца 80-х – начала 90-х все-таки шлюзы открылись, и там появился ресурс. Ты чуть поможешь, но всё равно помнишь: толстые журналы, публикации, пошли имена, все философы, которые раньше были запрещены, все эти Бердяевы и т. д., всё пошло публиковаться, книжки зарубежные, наши старые русские авторы пошли косяками. Океан литературы пошел.

И здесь возник феномен. Смотри, что получается: уже то, что я в студенчестве прочитал Бахтина и Выготского, это уже такой парадоксальный момент, потому что я читал авторов, работы которых были написаны в 20-е годы, в их лучшие, опять же, яркие, молодые времена, 20-е, 30-е. «Мышление и речь» Выготского, 34-й год. В общем, раньше. Т. е. написаны в другую эпоху, в другой атмосфере, в другом контексте. И вот В. Л. Махлин и говорит: «Опоздали мы к разговору с ними, это запоздалый разговор, мы их не поймем». Нам кажется, что мы их понимаем: ух ты, как здорово, как всё непривычно. Не просто не идеологизировано – оно не академично, глубоко, оригинально, там свой язык. Но, когда мы читаем, мы всё равно не сможем никогда понять, потому что то время ушло.

Это к вопросу о том, что, если мы поколение, отвечающее на вызов времени: на какой вызов времени отвечаем, читая при этом авторов, написавших работы в другое время, в те годы? Более того, я, конечно, к ним пришел через поколение шестидесятников, это вот Тыщенко мне подсунул, через ребят московских, которые яркие звезды – Ильенков, Щедровицкий. Я же к Бахтину пришел через них. Я же Выготского через Тыщенко и Ильенкова тоже начал читать. Когда я прочитал «Об идеальном» Ильенкова в «Вопросах философии», это 79-й год, он был опубликован. Я был вообще в шоке, шикарная совершенна работа, совершенно выбивалась из всех привычных текстов. Был опубликован в журнале и потом вошла в энциклопедию отдельной статьей. Идеальная, совершенно обалденная вещь. Я их читать-то начал, будучи студентом. Мераба тоже, который ходил в рукописях с его лекциями о Декарте и Канте. И через

них, с их помощью я понимал, хотя, слава Богу, параллельно стали издаваться и эти ребята – Бахтин и др. Зачитанный до дыр сборник «Эстетика словесного творчества», 79-й год. Или Выготский, вышедший в собрании сочинений, это самое начало 80-х и конец 70-х. Но его труды тоже были опубликованы, правда, с купюрами.

Получается так: я читал это поколение шестидесятников, это уже другое время, и видел и искал опоры у тех авторов, которые выстрелили в 20-30-е гг.; это тем более другое время. А я сам из поколения 80-90-х. Получается так, что опору я нахожу не здесь, а через поколения, вглубь, – там. И в этом смысле возникает такой феномен. Быкова говорит, что мы – поколение, потерянное не только в том смысле, что нас рассеяли в ситуации Перестройки, а в том смысле, что мы читали потерянное наследие, которое надо было осваивать раньше. А мы не могли его освоить и по возрасту, и наши отцы тоже не могли это освоить – и по возрасту, и полузапрещенка была. Когда осваиваешь наследие, которое не вошло в культуру, и которое долгое время было запрещено, а тут оно вдруг возвращается. Вдруг возвращается к тебе С. Н. Булгаков, который бог знает, когда писал и жил. И тут он вдруг, якобы, становится актуальным. Да не становится он актуальным, он пока интересен как текст, а его время ушло.

Шевченко Л. В.: Мне кажется, то, что Вы сейчас описываете, это в принципе нормально. Это не раз бывало.

Смирнов С. А.: Ну да, не раз бывало, согласен.

Шевченко Л. В.: Я правильно понимаю, смотрите, Вы говорите про Выготского и Бахтина достаточно регулярно. И когда Вы говорите, что Вы там пожили, в то время, шестидесятники, колLECTИВИЗМ – там совсем другая история, а Вы – уже другое?

Смирнов С. А.: Ну, я все-таки в 70-е был студентом.

Шевченко Л. В.: Как тот, кто с шестидесятниками всё равно соприкасался, да.

Смирнов С. А.: С ними контекст можно было удерживать, они тут живые были, вот они.

Шевченко Л. В.: Нет, для меня, смотрите, вот еще какой парадокс. Я недавно это осознала. Берешь Выготского, читаешь сейчас. Я пытаюсь иногда студентам объяснить... Я не в том смысле, что мы Выготского проходим, мы, допустим, сопоставляем с другими подходами. И молодые люди говорят: «Странно, вот даже на уровне лексики. Почему он всегда говорит «...личности?». Потому что они знают сейчас другой язык, у них другая психология, у них психология индивида, психофизиология; это вообще разные концепции человека.

Смирнов С. А.: Да, точно.

Шевченко Л. В.: Получается, я вынуждена останавливаться, туда вернуться. Я говорю: «Погодите, вот это возникло вот здесь, в 20-е годы. Деятельный человек – это не индивид, это не сумма единиц, это вообще по-другому мыслят». Конечно, они всё равно это не понимают. А как это так, если они уже по-другому видят это всё.

Смирнов С. А.: По-другому, но они же всё равно в ситуации человека и всё равно как-то должны определяться. У них что, никакой ответственности не возникает за свои слова?

Шевченко Л. В.: Подождите про ответственность, я о другом.

Смирнов С. А.: На самом простом уровне причем, без всякого пафоса.

Шевченко Л. В.: Я вот о чем. Мне это откликается сильно, потому что, с одной стороны, конечно, Вы прочитали тех через этих, а, с другой стороны, как Хоружий, у него где-то эпитетом было написано: «Традиция не прекращается, если ты в ней».

Смирнов С. А.: Если она на тебе сидит. Но она сидит-то через практику. Так, пардон, сам Хоружий, кстати, маргинал. Он, кстати, в этом сборнике просто отсутствует, просто напрочь выбит как будто. Он вообще тоже вне поколения. Для этих ребят он просто отсутствует. Для них и Мамардашвили существует только потому, что он работал в ИФ РАН.

Шевченко Л. В.: Семенцов существует, например.

Смирнов С. А.: Да, вот.

Шевченко Л. В.: Нет, ну а что, тоже хорошо. Аверинцев существует.

Смирнов С. А.: И то так, буквально один-два вспомнили и всё. Они вспоминают академические фигуры, а фигуры, которые держат высокую планку, проходят мимо сознания. Это, кстати, интересный такой момент. А. В. Ахутин для них отсутствует, много кто отсутствует, да, С. Л. Рубинштейн – психолог, философ, потому что он, опять же, питерский. Вопрос про то, что поколение – оно же не категория академическая. Ты можешь держать это, если через традицию, практику ты как-то ее пытаешься сохранить. Хотя, казалось бы, как это возможно?

Вот Хоружий в одиночках ходил, как монада, и, кстати, он по возрасту уже не шестидесятник, но еще и не восьмидесятник; он все-таки постарше меня, он 1941 года рождения. Он помоложе Мераба, но старше меня, как-то вот так. Тут его трудно отнести куда-либо. Даже бог с ним, с паспортом. Вопрос про то, что он вообще же раздвигал границы, ну, как нормальный автор, хороший, потому что для него поколения встроены в эстафету передачи духовной традиции, он общался со святыми отцами, вообще-то говоря. Там вообще вековые пласти. Он через молитвенную практику общался с истоком, и это ключевое требование: если ты с истоком не пытаешься увязать свою мысль, так это всё ерунда. И только это и даст тебе силы, потому что иначе ты будешь хвататься за какие-то подвернувшиеся под руку эпизоды и варианты, которые всё равно не держатся, и завтра всё по новой. Пример Хоружего – очень яркий, он духовную традицию пытался сохранить, возродить.

Шевченко Л. В.: Так я и говорю, что яркий.

Смирнов С. А.: Причем в этой жуткой ситуации.

Шевченко Л. В.: Я не согласна с Вами. Понимаете, Вы так описываете себя, что, дескать, тех я читал, они уже в другом времени. А мне кажется, оно нормально сработало, это и сработало. Потому что человек, читающий в деревне...

Смирнов С. А.: Кстати, тоже типично – учитель в деревне, конечно, книжки читает.

Шевченко Л. В.: Я в последнее время наблюдаю, что происходит, например, в моем окружении. Я стала себя ловить на мысли, что периодически в памяти всплывают прям чуть ли не абзацы из рассказов Шаламова.

Смирнов С. А.: А, да. Точно, да.

Шевченко Л. В.: Казалось бы. Я думаю, почему?

Смирнов С. А.: Ну, задел сильно. Меня он так же задел.

Шевченко Л. В.: Нет, понимаете, именно вот этот контекст у меня вызывает слова Шаламова. Потому что это опора, это поиск опоры.

Смирнов С. А.: Заметь, тоже из того времени Варлам Тихонович пришел к тебе.

Шевченко Л. В.: И это дает силы, между прочим.

Смирнов С. А.: Это силы дает мне индивидуально.

Шевченко Л. В.: Смотрите, хотя, казалось бы, можно сказать..., ну, т. е. его невозможно понять: он в том времени, и мы вообще не такое испытываем.

Смирнов С. А.: Да, согласен. Я после него вообще перестал воспринимать литературу, я не могу читать литературу современную: открыл, закрыл, не могу. Всё.

Шевченко Л. В.: Ну, понятно.

Смирнов С. А.: Пропахал и всё. То есть так же, как Андрей Платонов своим «Котлованом», и вот он, «Колымские рассказы». Вот они пропахали меня когда-то однажды, это были публикации в «Новом мире», это 70-е годы, конец 70-х – 80-е.. Когда «Котлован» тогда появился и «Колымские рассказы». В «Октябре», по-моему, в «Новом мире». Я тогда был поражен. И когда он опубликовал свой манифест, было письмо у него Ирине Сиротинской по поводу того, как надо писать, «О моей прозе». Это просто шикарно, просто наотмашь. И всё, я был готов. Опору-то получил, но я с тех пор просто перестал читать что-то другое. Может быть, ты права, что это обычная, нормальная ситуация. Какая разница, в чем ты опору обретаешь, главное, чтобы это была духовная опора. Но в этом трагизм, потому что для многих из моего поколения это не является опорами, не стали такими опорами, вот и всё.

Шевченко Л. В.: Почему? Вот это интересно.

Смирнов С. А.: Это тоже как со студенчества. Никто не мешал другим ребятам ходить на кружок Тыщенко со второго курса, он был открыт. От курса я был только один там. Никто не заставлял эти книжки читать. А вопрос-то в чем? Дело в том, что он читал на нашем потоке лекции и приглашал всех приходить на кружок. Вот тебе 100 человек, вот тебе студенты. Из этой сотни был я один. Он же не слева пришел – он наш лектор, преподаватель, и всем рассказывал про кружок, читая нам диамат и истмат. И читал такие же умные лекции и всему потоку, нормально всё, всем было интересно. Но на кружок пошел только я. Но и кружок-то не был чисто философским кружком, это был «Полиглот»: мы ходили в картинную галерею, консерваторию, слушали классическую музыку, читали Достоевского, Чехова и так далее, не только Бахтина с Выготским. Он был такой, полиглот. Он так и назывался, «Полиглот».

Шевченко Л. В.: Понимаете, даже когда Вы рассказывали про Тыщенко примеры, я поймала себя на мысли, что в моем времени уже это было невозможно. Не просто не было индивидуального человека такого, а такая деятельность была невозможна...

Смирнов С. А.: Трагично.

Шевченко Л. В.: А сейчас это тем более невозможно.

Смирнов С. А.: Да.

Шевченко Л. В.: Условно говоря, для меня образ Тыщенко это что-то народническое.

Смирнов С. А.: В принципе, да. Он же долгое время в деревне тоже работал. Он такой, просветитель, народоволец такой. Он тоже не спешил строить академическую карьеру, он долго-долго тоже не защищался, доктором так и не стал, зато просвещал, подключал к культуре. Да, есть такой момент. Таких фигур сейчас мало, они не предполагаются.

Шевченко Л. В.: Я даже не могу представить себе вот эту ситуацию, чтобы кто-то сейчас так действовал.

Смирнов С. А.: В этом смысле, с одной стороны, мне повезло, но, с другой стороны, это был шанс для всех остальных.

Шевченко Л. В.: Да.

Смирнов С. А.: В этом смысле кто-то брал его, кто-то не брал, но кто-то в другом месте брал какой-то свой шанс. Если мы обсуждаем все-таки философское поколение. Видишь, география дает о себе знать. Не зря же в этом сборнике «Философское поколение» обсуждают на примере ИФ РАН. Всё. А где Новосибирск, Петербург, или Ленинград, где Ростов, где работал М. К. Петров, известный философ, где Киев со своей традицией? Была Москва, ИФ РАН, а что делать молодым нахальным в Новосибирске, интересно? И здесь опять повезло, потому что все-таки был Тыщенко, и был М. А. Розов со своим кружком, куда я успел походить в начале 80-х годов. И все-таки Академгородок. Здесь очень важный фактор институции, которая создает возможность прийти, есть места и пространства, которые создают возможность, и чтобы это поколение получило возможность приобщиться. Был Клуб межнаучных контактов в Доме ученых. Был клуб «Терпсихора». Я везде ходил. В противном случае, ну, библиотека разве что, будешь там ходить и книжки читать, и никакой институции нет, чтобы подключиться, и никаких других живых собеседников там не услышать. Это уже трагедия москвоцентризма, когда в России целые поколения в этом смысле лишаются возможности подключения к большой духовной рамке.

Что делать бедному? Ну, вот Сашка Попов из Бийска. Потому что он наглый молодой парень был, рвал и метал. Нормально. Ну, как умел. Сначала Бийск, потом Барнаул, Томск, в итоге Москва. Ну вот, доктор наук. Как у него при этом получилось, это отдельная песня, что там у него с содержанием. Но то, что тоже парень пытался вырваться из этой узкой рамки своего рождения, что называется, той реальной географии, где он очутился, но коль скоро он почувствовал, потрогал, посмотрел – тут рядом Новосибирск, Томск – и пошел. Еще Красноярск был и так далее. Т. е. образцы-то все-таки здесь появлялись.

Шевченко Л. В.: Допустим, тот же А. А. Попов, хороший, кстати, пример. Вот Вы же понимаете, что он из другого поколения?

Смирнов С. А.: Он лет на 10-15 меня моложе.

Шевченко Л. В.: Ну, наверное.

Смирнов С. А.: 15 лет – это уже разница.

Шевченко Л. В.: Через что Вы понимаете разность помимо возраста? Смотрите, индивидуально, психологически Вы в чём-то похожи, но поколенчески в чём разница?

Смирнов С. А.: Забавно. Я не знаю, почему так получается, но на его примере я как раз почувствовал вот этот риск самодельного философствования. Вот есть самопалы и самоделки сплошь и рядом – вот это яркий пример.

Шевченко Л. В.: Знаете, что меня поразило. Я смотрела у него семинар буквально два года назад. И он такую ретроспективу дает и говорит: «Я когда на кафедру пришел...». Он, наверное, имеет в виду томский педагогический. И он позиционирует себя как философ, который столпов в подлиннике читал. Говорит: «Всё, сейчас некогда читать уже на немецком». Честно говоря, я настолько не ожидала такой самопрезентации от него. Я застыла, потому что задумалась, а зачем он это говорит?

Смирнов С. А.: Не знаю (смеется), пижон.

Шевченко Л. В.: Пижонство. Я тоже почувствовала пижонство. Ну, разве он философ, который в подлиннике что-то читает? Зачем ему это?!

Смирнов С. А.: Да. Ну, именно потому, что хочет выглядеть лучше, чем есть на самом деле. К сожалению, это драма, потому что... Мне все-таки опять повезло, мне удалось хотя бы частично школу проходить через хорошие образцы, когда М. А. Розов показывает тебе образец рассуждения, или Тыщенко, который как раз Канта с Марксом в оригинал читал, это точно, с ручкой, просто конспектировал. Или Г. П. Щедровицкий, который «Капитал» конспектировал на немецком. Они-то как раз эту школу проходили. Вот надо отдать должное академической традиции – она образцы берет в оригинале, здесь всё на месте. Это просто обязательно: Кант с Гегелем на немецком, Фуко на французском. Но это, конечно, не спасает, и мышление начинается не здесь, но это ладно. Но школу надо пройти, вплоть до того, что надо, извини меня, задницей сидеть. Когда я законспектировал все три «Критики» Канта, для меня это было просто очень серьезной школой, причем под руководством, опять же, Тыщенко: я конспектирую, его слушаю, конспектирую, его слушаю; и это много раз. И тогда ты проходишь действительно какие-то важнейшие основы, и они кладутся, и это уже насмерть, навсегда. Когда человек школу не проходит, то возникает самоделка.

Шевченко Л. В.: Интересно. Попов же часто звал О. И. Генисаретского как эксперта, причем Олег Игоревич так и говорил: «Не только самопальная водка страшна, а самопальная философия». Он же честно это говорил.

Смирнов С. А.: Да.

Шевченко Л. В.: Но отношения эксперта и заказчика – это уже не школа, правильно ведь?

Смирнов С. А.: Нет, и Олега Игоревича он звал для, пардон, выпендрежа, что вот сам Генисаретский приехал к нему, да. Это не школа, потому что здесь же нет такого по основаниям прохождения, такой выучки. Генисаретский приехал, уехал, покрасовался, рассказал неофитам свои красивые штучки, показал и уехал. Причем достаточно экзотично всё это выглядело. Олег Игоревич тоже сам такой, это же не Хоружий. Вот Хоружий не прощал ошибок: если ты школу толком не пройдешь, он тебе пощечину врежет, и будешь знать. Он как раз системщик, он фундаменталист, у него всё фундаментально должно быть. А Олег Игоревич мог себе позволить всякие постмодернистские штучки. Конечно там школы быть не могло. Это вот феномен таких самодельных, самопальных самоучек, которые могут даже степень получить, но основания нет. Мне кажется,

это уже трагедия этих вот последних поколений – они не проходят школу. Это уже драма. Они, во-первых, сами не нуждаются в этом, во-вторых, им не дают, в-третьих, это почему-то и не нужно и так далее. Как-то вот забавно. Ну, и ориентация. Тогда всё это полетело, когда пошли 90-е годы. Мода на Запад и не-олиберальный крен, и всё, русская мысль в сторону, она стала периферийной, пошли западные образцы.

И вот сейчас мысль в философии – сплошная аналитическая философия, причем в ее третьесортном варианте. Всё. Здесь большие проблемы с этим. Даже если они читают на английском всех этих аналитиков, это всё такой примитив, что мама дорогая. Это драма уже, собственно, самой истории философии, когда она сама теряет ту большую духовную традицию. А носители вот такого понимания выдают новую традицию за откровение.

Шевченко Л. В.: А Вам вот эти западные какие-то вещи нравились, нет?

Смирнов С. А.: Очень избирательно. Мне нравился Запад в его классическом изводе – Декарт, Кант, всё нормально. Аналитическая философия мне интересна как собеседник, как другой с иной точкой зрения. Например, Витгенштейн.

Шевченко Л. В.: Я помню, уже мои преподаватели, допустим, в ТГУ, говорили про более младших, т. е. не про нас, а про поколение нулевых. «Эти на помойке родились уже». Всё, они уже на свалке, т. е. у них системы никакой вообще. И вот они говорили: «Это уже понятно, это уже бесполезно там что-то выстраивать». Т. е. у них была некая граница, и где-то уже это вообще сломалось всё, по их представлению. Я просто очень сильно запомнила, потому что такой маркер появился.

Смирнов С. А.: И в этом смысле я готов с тобой согласиться, что это нормально, если там человек читает автора из другой эпохи, но он этим получает настоящую опору, и это уже на всю жизнь. А эти самоделкины не получают таких опор, не переживается потрясения личностного, они поэтому вот такими становятся. Нужно потрясение. Мы с тобой счастливые люди, мы, прожив потрясения еще в молодые годы, даже в студенчестве, получили хорошее противоядие против попсы и самоделок. Дело в том, что это трудно переводить в правила, как требования для формирования поколения. Это что, должно быть необходимым принципом? Вроде бы да, но нужны, опять же, носители. Когда, например, профессор в университете приобщает к основам, он тебя приобщает к базовым вещам, к авторам тех эпох, чтобы ты их не просто академически освоил, а чтобы ты пережил потрясение. Это возможно?

Шевченко Л. В.: Знаете, как я Вас услышала, Сергей Александрович... Вы говорите про то, что у Вас состоялось индивидуальное самоопределение и индивидуальные вызовы, опоры. А про поколенческое-то не особо.

Смирнов С. А.: А мы рассыпаны оказались, в том-то и дело, мы не ощущали себя поколением. Именно в этом драма нас, восьмидесятников. Если бы я был тогда, когда поколение Ильинкова, глядишь, может быть, мы и не так... Не зря же они кружки делали. Они же вот они – вместе. Но очень быстро рассыпались, кстати.

Шевченко Л. В.: Это был признак времени, потому что кружок можно было тогда делать, это было естественно делать.

Смирнов С. А.: Как можно? Судя по воспоминаниям Георгия Петровича, не так уж и можно – подзатыльники-то ему давали всё время и пинки за его эти все выступления.

Шевченко Л. В.: Когда Вы про Георгия Петровича тоже рассказывали, вот этот момент. Бахтин опубликован, Выготского читали, кружок Щедровицкого – Вы попадали под эту самую энергию. И в этом смысле вот он – жребий времени, который нечто предлагает.

Смирнов С. А.: Да.

Шевченко Л. В.: В Вашем времени еще это было возможно.

Смирнов С. А.: Для этого надо было попасть, да. 84-й год, когда я его впервые увидел.

Шевченко Л. В.: Современное время не предполагает кружка, его невозможно сделать – вот я о чем. Возможно пойти на йогу, еще на какую-то холеру, но на кружок интеллектуальный ты уже не пойдешь. Его нет как жанра, понимаете, вот сейчас. Те-то понятно, те еще кружковцы были. Ваше поколение уже там по-другому, Вы уже застали кружок не тот, который они организовывали.

Смирнов С. А.: Согласен.

Шевченко Л. В.: А Вы уже хвостик того уловили.

Смирнов С. А.: Да, ты уцепила хороший момент. Да я сам последние годы, лет 10, пытаюсь вариант кружка сделать – у меня ничего не получается. Причем пытаюсь подцепиться к структурам, например, в рамках НТИ. Там делали Клуб мышления, например, я вроде клубный формат пытался там ввести. Нет, не получается, не проходит, не выстраивается, повестка сыпется. Люди вообще, особенно молодые, просто испорченные соцсетями, живут буквально одним днем. Рамку кружка надо держать в долгую и на долгую заряжаться. Здесь это не держится. Но тогда возникает вопрос: а как же самоопределяться поколению вот этих 10-20-х годов, если это всё не держится? А им как? Ничего никуда не уходит. Вот СВО идет, вызовы только так идут. И на что опираться, на какие духовные опоры? Есть, конечно, шанс, что происходит возврат к традиции, к самоопределению, российская цивилизация, русская традиция, опять же, есть много разговоров про религиозность и так далее. Но всё это же ...

Шевченко Л. В.: Так их поколение определяют через частные психологические особенности, по сути. Смотрите, оно скатилось не на смыслы, а на какие-то индивидуальные особенности: поведенческие, психологические. Они ранимые, травмированные, еще что-то. Это вообще другое. Я считаю, что про поколение – это когда ты действительно чувствуешь вызов времени.

Смирнов С. А.: Ну, вот оно – поколение СВО. Там миллион мужиков воюет. По паспорту они разные – там есть 20, 30, 40-летние и старше – там все поколения собрались. Но это как в те годы, поколение войны. А сейчас это поколение СВО. И вот оно поколение, не те, которые вот здесь.

Шевченко Л. В.: А это жребий. Я тоже думаю, что это жребий. Когда только началось, я слышала, что те, кто постарше, говорили фразу: «Я отцу (деду) еще должен. Как я помру, что я отцу скажу?» То есть отец или дед, который воевал.

Смирнов С. А.: Ну вот, осознают, да. В этом смысле опять же, не про паспорт, а про вызов. Вот те, кто отвечает на вызов, пошел на СВО, или какие-то проекты пытается делать, те – поколение. А те, кто хотят отсидеться, ждуны

– это не поколение, это такие, наблюдатели, зрители. Поколение – это все-таки понятие активной позиции, взял и понес. Встань и иди, т. е. ты отвечаешь на вызов. Тогда ты часть поколения, а не просто паспорт у тебя такой, что ты по паспорту относишься к нему. Ты не к нему относишься, ты просто сверстник, ты ровесник, но ты не часть поколения. Мне кажется, поколение требует определенной позиции как ответ на вызов, это ключевой критерий. И тогда они, самые разные такие, в одном поколении. Берущие этот вызов как свой. Это никак не связано ни с географией, ни с паспортом.

Шевченко Л. В.: А это связано с идеей Института человека?

Смирнов С. А.: Это эстафета, это конечно. Спасибо учителям, это же не с неба падает. И в этом смысле заметь, что удивительно: встречаются два совершенно разных человека с разной биографией, Смирнов, то есть я, и С. А. Караганов, и слышат друг друга. Совершенно разные траектории, с разной географией, с разных городов. Однажды встречаемся и договариваемся, что Институт человека надо делать. Ему 73 года, мне 70, мы в принципе одного поколения по этой части. В этом плане получается ведь так, но это, опять же, не только моя биография, что я других участников моего поколения в культурном смысле, отвечающий на вызов, ищу в других местах. Не эти мои сокурсники и сверстники, а те – в Москве, где угодно. Мы – поколение, а не те, которые одного возраста или даже одной профессии; мы совсем в разных мирах. А те, которые в мире вот этого поколения, которое встало и пошло; но там уже гарантит никаких нет. Мне кажется, это выводит на другой уровень. Тогда это надо обсуждать. Совершенно не академический формат, не про то, вообще не про то, не про историю философии.

Шевченко Л. В.: Да. Ещё такой момент. Когда говорили про А. Попова. про разность поколенческую и характерологическую. Такие люди достаточно неприменимы в смысле личной позиции. Я не видела никогда ситуации, чтобы он был открыт и, соответственно, уязвим. Там другая логика.

Смирнов С. А.: Конечно.

Шевченко Л. В.: Вот Вас я видела в открытой позиции, на семинарах, когда приезжал Хоружий... Причем Хоружий с Генисаретским – когда они вместе, это что-то уникальное! Я видела совершенно другую архитектуру этой коммуникации. А вот уже в других жанрах, амбициозных людей (назовем это так) – там совсем по-другому всё, хотя, казалось бы, интеллектуальное какое-то событие.

Смирнов С. А.: Ну, квази, в том-то и дело.

Шевченко Л. В.: А вот этой уязвимости у него нет, он не открыт.

Смирнов С. А.: Конечно, он закрытый, себе на уме. Он знает, что он не откровенный и нечистый, и нечестный, у него, пардон, фига в кармане. Более того, он бедными своими детьми манипулировал, я просто знаю и видел; они, как бедные овцы, за ним бегали, несчастные. Он готов был их бросить. Именно потому что не было у него никакой позиции. Это поза такого самодельного, мелкого вождя, который наваривает себе дешевый капиталец. Ну да.

У меня была реальная ситуация как раз, если вспоминать экспериментальную группу. Мы параллельно набрали свои группы – я и психолог Андрей Большунов, я у историков, а он у девчят на факультете начальных классов. Год прошел, у него пошла какая-то замануха, а он мужик-то толковый, но вид-

но было, что нос по ветру держал. И всё, он бросил группу и уехал, и девчонки в одиночку остались, хотя вроде бы изначально собирались играть в долгую. То есть это ситуация ответственности. А когда человек не держит этот стержень, он позволяет себе... Да, он не открыт. В том числе потому не открыт, что знает, что он не совсем полный, он полупустой. И когда начинается содержательная проверка по-крупному, ответить же нечего, потому что никогда он не осваивал ни Выготского, ни Бахтина, ни Канта, ни Декарта, а так по верхам. Вот и всё. Хотя типа философ. И таких много было. Меня волнует именно вот это.

У меня сейчас два аспиранта молоденьких, и вот один из них заинтересовался Хоружим. Как он его читает, какими глазами, как он его понимает? Но парень усидчивый, вдумчивый, библиотечного типа, с коммуникацией большие проблемы, сам в себе. Вот ему где и как опору формировать, когда живых носителей нет? Но я, грешный, пытаюсь его как-то подвигать, вразумить. Но я же не Хоружий. А вот он уцепился. «Духовные практики в синергийной антропологии», тема диссертации (смеется). Но он верующий, вообще-то говоря. Он вообще с Красноярского края, с периферии. И вот вознамерился приехать сюда, в аспирантуру. Думал, что он вообще уйдет в монастырь послушником, но пока не ушел. Ему вот как эти опоры выстраивать? Вот – ситуация их поколения. Он в группе аспирантов белая ворона абсолютно, вот как-то ему надо выдерживать. Посмотрим. К вопросу об их поколении. Тяжело.

Шевченко Л. В.: Нет, нормально.

Смирнов С. А.: Ну, нормально. Я имею в виду, что ему все-таки потяжелее, потому что... Мне иногда кажется, очень жаль, что войны не было или войны нет, вот хорошо, что СВО, но она не для всех. Человеку нужно испытание. Это, конечно, не по-христиански, но ему надо вляпаться по-крупному с тем, чтобы он вспомнил, что он человеком должен стать, хорошо-хорошо мордой об стол врезаться. Чтобы – хряся! А он не вляпывается и не хочет, считает, что это и не нужно. Всё, тогда ничего с ним не будет. А это не по-христиански.

Шевченко Л. В.: Что не по-христиански?

Смирнов С. А.: Чтоб ты по морде получил как следует. Мы так не привыкли.

Шевченко Л. В.: По-христиански – страдания претерпевать.

Смирнов С. А.: Нельзя желать страдания.

Шевченко Л. В.: Ну как нельзя желать?

Смирнов С. А.: Мы говорим: чтобы у вас всё было хорошо, чтобы все были здоровы. Мы не желаем страдания друг другу, нет, хотя без страданий ничего у тебя не получится. Я к тому, что, возвращаясь к теме поколений, какой такой опыт страдания и испытания переживает поколение 2010-20-х гг., берет оно на себя этот опыт или нет? Вроде бы волонтеры есть, вроде какой-то момент ответственности есть у некоторых представителей. Кто-то идет на СВО, кто-то гуманитарную помощь собирает. Собственно говоря, и всё. И Шаламова они не читают.

Шевченко Л. В.: Кто?

Смирнов С. А.: Никто. Что-то должно случиться, чтобы его снова начали читать. Я на удивление как-то увидел, что один аспирант Достоевским зачитывается. Зачитывается, это вариант мазохизма. Встретил же он этого автора, почему-то пошло. Хотя вроде бы внешняя среда совершенно не предполагает готовности открыть книгу такого типа. Это же готовность должна быть

к чтению. У тебя должно быть свое видение такое, готовность, чтобы подобную пропасть открывать и при этом не закрыть книжку, а, наоборот, хотеть дальше. Откуда у этого молодого человека может быть такая готовность к такому чтению? Папа с мамой?

Шевченко Л. В.: Может быть, страдание какое-то, о котором Вы не знаете. Возвращаясь к книге «Философские поколения». Некоторые там откровенно так и писали, что у меня нет поколенческого ничего. Но я когда вчитывалась – это не про поколения, вот сейчас я понимаю.

Смирнов С. А.: Да, рассказали простую биографию.

Шевченко Л. В.: Да. Там рамки поколенческой нет.

Смирнов С. А.: Вот она плывет там постоянно. Ее же надо как-то отстроить, сконструировать. Либо сваливаются в социологию, либо в поколенчество в редуцированном виде, а не в высоком, как генерация, отвечающая на вызов времени, и было ли такое. Броде было, но потом баx, сваливаются в биографию свою. Не хватало, может быть, даже языка, слов, дискурса, чтобы адекватно про это поговорить, чтобы сопрягать с одной стороны, что означает то, что поколение вырабатывает ответ и как ему надо к истоку обратиться, а с другой стороны, чтобы эстафета была. Кстати, с эстафетой тоже не получилось, в сборнике она не получилась между поколениями. Они, во-первых, про свое личное говорили, во-вторых, еще про свое время. Эстафеты нет, а это как раз еще одна проблема. Где эстафета поколений?

Шевченко Л. В.: Нет, эстафета это и есть рамка поколения.

Смирнов С. А.: А ее можно удержать, только если держать высокую рамку вызова.

Шевченко Л. В.: Да.

Смирнов С. А.: А если она падает, тогда и эстафеты не получится.

Шевченко Л. В.: У меня с Вами поколенческие отношения, потому что я понимаю: не попади мы на семинар и не увидь настоящих образцов – мы были бы другими. Я, по крайней мере, точно. Я смотрю в своем кругу: вот человек себя называет философом и очень умным себя считает, но ни разу с живыми представителями философии он не общался. Он даже не хотел в сообщество никакое попадать. Это разве не парадоксально? Меня это поражает.

Смирнов С. А.: Согласен.

Шевченко Л. В.: Для меня это параметр того, что это просто риторика, может, хорошая, может, хорошо человек штудировал чего-то.

Смирнов С. А.: Есть книжечей, который на уровне дискурса риторического остается. Ну да, наверное. А ты какое поколение, ты еще или уже?

Шевченко Л. В.: Я в 93-м поступила на 1-й курс филологического.

Смирнов С. А.: Вошла в жизнь в конце 90-х.

Шевченко Л. В.: Нет, если говорить про поколение, мое поколение...

Смирнов С. А.: Ты по этой типологии у Синеокой, нулевых, десятых?

Шевченко Л. В.: Я про это что-то не подумала. Я в основном штудировала главы ближе к Вашим поколениям. Когда Вы говорите, что Ваше рассыпанное поколение, я думаю: а наше не то что рассыпанное, оно вообще непредполагаемое... Люди все либо ушли в бизнес, т. е. они ушли вообще в капитализм.

Смирнов С. А.: А, т. е. он захватил их полностью. Ну да. Ну, если частично мое поколение ушло в капитализм, а ваше там просто полностью.

Шевченко Л. В.: Ну да.

Смирнов С. А.: Ну да, наверное.

Шевченко Л. В.: Т. е. это практически все менеджеры.

Смирнов С. А.: Все ринулись туда. Ну да, это поколение нулевых, конца 90-х.

Шевченко Л. В.: Либо эзотерики.

Смирнов С. А.: Либо там всякие уходы, ниши, эзотерики, квазизамещения, компенсации какие-то и так далее. В итоге сплошные драмы, вообще-то говоря, не нахождения себя. Потом же это ощущается всё равно. Внешне он, конечно, не будет показывать, на самом деле всё так, не нахождение себя, уход. Ну вот, да, пожалуй, поколение 90-х. Хорошо, ну как, пауза?

Шевченко Л. В.: Давайте.